

Доктрина Путина – Медведева

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В советские времена считалось, что в основе стиля поведения СССР на мировой арене лежат принципы «ленинской миролюбивой внешней политики». Западные советологи, в свою очередь, усматривали определенную преемственность внешнеполитической стратегии страны Советов: коминтерновский период, сталинский неоимпериализм, его своеобразное продолжение во времена хрущевской оттепели, доктрина Брежнева, доктрина Андропова. Точку поставила пресловутая Перестройка Горбачева, означавшая неуклонную сдачу Советским Союзом своих позиций в мире.

Сейчас общим местом стала критика российской дипломатии времен правления Бориса Ельцина за односторонне прозападную ориентацию, безынициативность, пренебрежение собственными национальными интересами. Все это так, однако трудно себе представить какой-то иной стиль ведения внешней политики государством, находившимся в состоянии острейшего политического и экономического кризиса, стоящим на грани развала, раздираемым изнутри сепаратизмом и прочими хворями. В свое время, после поражения в Крымской войне в 1856 году, канцлер А.М. Горчаков написал знаменитую фразу: «Россия не сердится. Россия сосредотачивается». После разва-

В современной политологии и теории международных отношений существуют различные оценки внешней политики Российской Федерации: от критики за излишний экспансионистский пыл Кремля до упреков в отсутствии какой-либо стратегии поведения на мировой арене. Тем не менее, большинство экспертов сходится во мнении, что Россия играет все более заметную и возрастающую роль в мире.

ла Союза, в ельцинский период, Россия не отступала на международной арене, она попросту выживала.

Если проследить эволюцию дипломатии современной России, то ее легко классифицировать по этапам нахождения на своем посту министров иностранных дел. При Андрее Козыреве в российской внешней политике наблюдался романтический инфантилизм по отношению к Западу и старческая немощь при любых попытках сделать самостоятельные шаги. Евгений Примаков, один из патриархов мировой политики, пытался выстроить уже некую стратегию, сформулировать свою внешнеполитическую концепцию. Именно при нем стал широко употребляться термин «многополярный мир». Появилась идея создания триады «Москва – Пекин – Дели». Довольно длительное нахождение в министерском кресле Игоря Иванова ознаменовалось стабилизацией российской дипломатии и поиском новых путей развития. Следующий этап внешней политики России, связанный с Сергеем Лавровым, знаменуется стремлением осуществлять внешнеполитическое наступление по всем направлениям, при любой возможности отстаивать свои интересы, используя при этом экономические рычаги давления.

РАЗОЧАРОВАНИЕ ПУТИНА

И все же министр иностранных дел – фигура зависимая. Руководителем внешней политики государства является президент. Ни для кого не секрет, что Владимир Путин, став лидером России, пона-

чалу пытался выстраивать дружественные, партнерские отношения с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами. Об этом свидетельствовала, прежде всего, решительная и безоговорочная поддержка США сразу после 11 сентября 2001 года. Недвусмысленную трактовку можно дать и выводу российского миротворческого контингента из Косово, отказу от военных баз на Кубе и во Вьетнаме. Однако в Вашингтоне, да и в Европе эти шаги воспринимали как проявления слабости, само собой разумеющиеся уступки слабого по отношению к сильному. Запад не пошел навстречу России ни по одному ключевому вопросу, требуя от нее и в дальнейшем односторонних уступок. Более того, Соединенные Штаты стали вести себя все более активно на постсоветском пространстве, у самых российских границ: в Украине, Закавказье, Центральной Азии. Как показали последовавшие события, это была глубоко ошибочная линия, приведшая в итоге к изменению отношений Москвы с Западом. Череда оранжевых «революций», означавшая приход к власти прозападных режимов, вызывала открытое раздражение и неприятие не только в Кремле, но и в российском обществе в целом.

В Кремле и на Смоленской площади, а также в близких к ним аналитических центрах шла работа по выработке концепции восстановления Россией своих утраченных геополитических позиций. Известный российский политолог президент фонда «Политика» Вячеслав Никонов в интервью украинскому еженедельнику «Киевский телеграф» еще в январе 2008 года заявил о необходимости создания четкой внешнеполитической стратегии своей страны: «США заинтересованы в сотрудничестве с Россией. От нас они могут получить больше, чем от других своих союзников, прежде всего потому, что РФ остается государством с глобальными интересами. У нас есть такие же разведывательные возможности. Мы граничим с зонами, в которых проводятся антитеррористические операции, и заинтересованы в устранении угрозы исламского экстремизма не меньше, чем США, и больше, чем европейцы. Американцы могут идти нам навстречу в определенных вопросах, но для этого мы должны сформулировать свою позицию».

Сразу следует оговориться, что когда речь идет о доктрине внешней политики

современной России, то мы подразумеваем не некий особый документ, а, скорее, систему взглядов, высказываний, конкретных действий, которые укладываются в довольно нестройную, но последовательную линию на международной арене.

Впервые о доктрине Путина заговорили после его знаменитой Мюнхенской речи – выступления на конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене 10 февраля 2007 года. Тогда российский президент выступил с резкой и недвусмысленной критикой однополярного мира и США. Очевидно, ключевой фразой в этой речи, которой, безусловно, суждено войти в историю мировой политики, стало следующее высказывание: «Россия – страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику. Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня».

Иными словами, В. Путин не восставал против несправедливого мироустройства, не требовал равноправия для всех государств, а предъявлял США свои претензии на равнозначную роль в мире. Эта речь вызвала настоящий шок на Западе. Реакция различалась от нескрываемого удивления и раздражения до заявлений о том, что теперь США и Европа точно консолидируются, чтобы сдерживать непомерные амбиции возрождающейся России.

НЕМНОГО ТАНДЕМОЛОГИИ

На практике претензиям России на свое особое место в мире было суждено осуществиться в период президентства преемника В. Путина – Дмитрия Медведева. В редакционной статье «Сезонное охлаждение» от 11 января 2010 года американская газета The Washington Post именно с именем Дмитрия Медведева связывает попытку упорядочить «хаотическую внешнюю политику, основанную на ностальгии и предубеждении».

При этом особо следует отметить, что в вопросах внешней политики, как и любой другой, существенных противоречий между российским президентом и премьер-министром не имеется. Они действительно вместе соуправляют своей страной. Сошлемся на мнение весьма осведомленных людей – руководителей

влиятельного американского Центра Никсона Пола Сандерса и Дмитрия Саймса. В своей статье «Кто контролирует Россию», опубликованной в журнале The National Interest за ноябрь – декабрь 2009 года, они делают следующий вывод: «Хотя Путин остается ключевым российским лидером, Медведев, безусловно, считает себя настоящим президентом, а его подчиненные делают упор на это как в ходе бюрократического противоборства во властных верхах, так и в своих публичных комментариях».

Переломным событием в современной системе международных отношений стала война в Южной Осетии в августе 2008 года. Мы не будем сейчас подробно обсуждать причины и ход того конфликта. Об этом сказано и написано более чем достаточно. Зафиксируем внимание на следующем важном факте. Россия не просто разгромила Грузию на поле боя. Впервые за последние, по крайней мере, лет двадцать прямому союзнику США было нанесено военное поражение, от него отторгнута часть территории. При этом Соединенные Штаты не только не сумели предоставить своему союзнику эффективную военную помощь, но и оказались не в состоянии каким-либо образом наказать «обидчика». Все попытки Вашингтона провести антироссийские резолюции в ООН и других международных организациях, ввести санкции против России, организовать ее изоляцию провалились. В Белом доме царила явная растерянность. Руководители американской внешней политики демонстрировали очевидную неготовность реагировать на новый вызов их гегемонии. А европейские столицы лишь пожарили Москву за чрезмерное применение силы, но и только.

Следом за военной победой на Кавказе последовало и концептуальное оформление нового жесткого внешнеполитического курса Кремля. 31 августа 2008 года в своей сочинской резиденции Дмитрий Медведев дал интервью ведущим российским телеканалам. В нем российский президент сформулировал пять основополагающих принципов внешней политики. Во-первых, Россия выступает за верховенство международного права, во-вторых, за многополярный мир, в-третьих, российское руководство против конфронтации и самоизоляции, в-четвертых, интересы российского

государства, граждан и бизнеса являются приоритетом внешней политики. Но самое главное, новое и откровенное было высказано Дмитрием Медведевым в пятом пункте его тезисов: «У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские, добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах и развивать такие дружеские от-

ношения с этими государствами, с нашими близкими соседями».

Таким образом, Россия устами своих руководителей предлагает миру фактически вернуться к ситуации взаимоотношений конца XIX – начала XX веков, когда планета была разделена на сферы влияния несколькими ведущими государствами. Российская Федерация не претендует на то, что сферой ее интересов является весь мир, и скептически относится к претензиям такого рода со стороны других держав, прежде всего Соединенных Штатов. В условиях кризиса мировой системы обеспечения глобальной безопасности, а также аналогичных процессов на европейском континенте Москва предлагает так называемым великим державам договориться о разделе планеты на сферы влияния для того, чтобы избежать недоразумений и гарантировать поддержание мира и стабильности на вверенной территории.

ПРИВИЛЕГИЯ ИМЕТЬ СВОИ ИНТЕРЕСЫ

Что же российское руководство понимает под «сферой привилегированных интересов»? Ответить на этот вопрос можно на основе анализа внешнеполитических акций России последнего времени. Сфера особых российских интересов должна соответствовать нескольким требованиям.

Во-первых, страны, входящие в эту сферу, не должны присоединяться ни к каким военно-политическим и экономическим союзам, в которых не состоит Российская Федерация. Отсюда и столь решитель-

Во время саммита G8 в Лондоне. Апрель 2009 года

ная позиция Москвы против расширения НАТО и ЕС. В связи с этим несколько примитивной кажется натовская пропагандистская кампания под лозунгом «Мы никому не угрожаем, ни на кого не собираемся нападать». Конечно, в Москве никто не верит, что расширение НАТО и продвижение организации на восток угрожает России прямым военным нападением. Там угрозу своей безопасности видят в том, что членство в НАТО и ЕС фиксирует уход того или иного государства из сферы влияния России и присоединение к лагерю внешнеполитических конкурентов Москвы. Кроме того, членство в НАТО серьезно сокращает рынок продажи оружия для российского военно-промышленного комплекса.

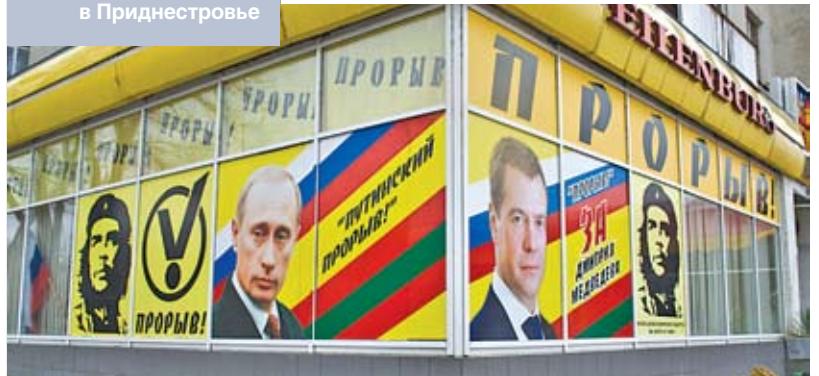
Во-вторых, государства, рассматриваемые Москвой как часть сферы своего влияния, должны присоединиться к системе международных союзов, в которых Россия играет ключевую роль. Имеется в виду, прежде всего, ОДКБ как военно-политическая организация и ЕвразЭС как организация экономическая. Большое значение в Москве придают и новому интеграционному проекту Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. В сентябре 2009 года первый вице-премьер российского правительства Игорь Шувалов выразил уверенность, что «создание Таможенного союза – это новое ядро для объединения стран Содружества». Он пояснил, что, когда объединение заработает в полном объеме с 1 июля 2011 года, «нашим соседям из СНГ будут совершенно очевидны преимущества, которые несет Таможенный союз и формат ЕвразЭС». По его словам, «другие государства Евразийского экономического сообщества уже выразили желание вступить в Таможенный союз», и были для этого созданы специальные рабочие группы. То есть Москва хочет повторить, пусть и в другой форме, европейский проект «объединения угля и стали», из которого впоследствии вырос Европейский союз.

В-третьих, на территории этих стран для российского бизнеса и экономических интересов Российской Федерации должны быть созданы привилегированные условия, то есть российские компании должны получить первоочередной доступ к собственности и природным ресурсам.

В-четвертых, в этих странах не должны быть размещены военные базы других государств. В связи с последним услови-

ем становится понятной ситуация вокруг размещения американской базы в киргизском аэропорту «Манас». Как известно, она играет ключевую роль в снабжении войск НАТО, размещенных в Афганистане. Еще в декабре 2008 года представители руководства Кыргызстана заявили о том, что рассматривают вопрос о закрытии этой базы. 3 февраля 2009 года президент Кыргызстана Курманбек Бакиев сообщил о своем твердом намерении закрыть базу в «Манасе». Дипломатия США была ошеломлена подобной резкой позицией официального Бишкека. Учитывая, что заявление киргизского лидера было сделано после переговоров в Москве, никто не сомневался в том, что решение было принято при прямом участии России. А ведь именно в тот период разворачивалась широко разрекламированная Белым домом политика так называемой «перезагрузки», то есть улучшения российско-американских отношений. В Москве никаких противоречий в этом вопросе не усматривали: перезагрузка перезагрузкой, а сфера интересов сферой интересов. Однако уже в июне 2009 года были достигнуты договоренности о перепрофилировании базы в центр транзитных перевозок по

Плакаты
молодежного
движения «Прорыв!»
в Приднестровье

снабжению операций в Афганистане. Но и здесь нет никакой непоследовательности. Дело в том, что война в Афганистане крайне выгодна для России. С одной стороны, нестабильность в этом стратегическом регионе полностью перекрывает потенциальное южное направление транспортировки центральноазиатских энергоресурсов к пакистанскому порту Карачи, то есть в обход России, с другой – американцы отвлекают от южных границ России активность талибов и прочих фундаменталистов в регионе. Кроме того, затяжные войны в Афганистане и Ираке связывает американцам руки для

более активных действий в регионе, в частности в Иране и на Кавказе.

Какие же государства Москва хотела бы видеть в сфере своего влияния? Очевидно, точного ответа на этот вопрос не знают и в самом Кремле. Аппетиты и претензии там колеблются в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры в тот или иной период. Вероятно, что в нее включают практически все постсоветское пространство и некоторые прилегающие территории (Монголию, Балканы). Москва крайне осторожно обозначает свои интересы в более удаленных регионах мира, ограничиваясь пока лишь демонстрацией своего флага, как это было во время недавнего перелета стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу или нескольких дальних походов кораблей российских ВМС. Россия практически полностью ушла из Тропической Африки, крайне фрагментарно ее присутствие в Латинской Америке.

Особый вопрос – это влияние Москвы на отдельные государства Европейского союза. Еще недавно вступление в ЕС той или иной страны воспринималось как однозначная потеря возможности влиять на события там. Но ситуация постепенно меняется. Об этом говорят достаточно близкие, дружественные отношения между Россией и Словакией, Болгарией, Грецией, которые являются членами ЕС и даже НАТО. Тесные контакты, близкие по своему характеру к стратегическому партнерству, установлены с руководством Италии и Германии. Во время последних парламентских выборов в Германии немецкая пресса обсуждала вопрос о большей или меньшей степени пророссийскости кандидатов. В перспективе в Европейском союзе наряду с проамериканским лобби, в состав которого входят Великобритания, Польша, Венгрия, Чехия и страны Балтии, может появиться и достаточно влиятельное пророссийское лобби.

ДОКТРИНА ИЛИ ДОКТРИНЕРСТВО?

И все же описанная выше доктрина является не вполне самодостаточной. Она носит, скорее, методологический характер, отвечает на вопрос, какое место для себя видит Россия в мире. По-прежнему нет ответа на другой, не менее ключевой вопрос: а какое место российское руководство отводит для своих нынешних и потенциаль-

ных союзников. Уже есть некая стратегия российской дипломатии на международной арене, но совершенно нет ее идеологии. Каким образом Россия хочет обустроить пространство своих привилегированных интересов? Какую форму государственного устройства считает предпочтительной? Какие гарантии стабильности и безопасности дает она для своих союзников? Без ясности в этих вопросах говорить о серьезном укреплении позиций Российской Федерации на международной арене не приходится.

Определенную тревогу при оценке внешней политики России вызывает ее гипертрофированная персонификация. Немецкое словечко *Realpolitik* весьма расхоже в российских властных элитах, там любят подчеркивать свой прагматизм. На деле же иногда складывается ощущение, что руководители России занимаются гаданием на ромашке: «Любит, не любит. Нравится, не нравится». Внешняя политика, основанная

Во время визита
Дмитрия Медведева
в Венесуэлу.
Ноябрь 2008 года

на личных контактах с «друзьями Сильвио, Герхардом, Биллом» и далее по списку, только на первый взгляд успешна и привлекательна. Она крайне неустойчива и бесперспективна, поскольку после ухода очередного «друга» со своего поста отношения со

страной, а не с человеком приходится выстраивать заново. Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», в своей статье «Парадокс Путина» от 7 августа 2009 года отмечает: «Внешняя политика России при Владимире Путине очень персонифицирована, особенно в последний период. Накопленное за годы президентства человеческое отношение к различным лидерам и странам часто перевешивает необходимость прагматичного государственного подхода. А личные черты характера задают тон поведения всего огромного государства. С этим связано усугубляющееся ощущение российской непредсказуемости. Эмоциональность лидера гораздо больше бросается в глаза, чем концептуальная база внешнеполитических подходов – достаточно последовательная и стабильная».

Существенные проблемы для эффективности российской внешней политики создает и неумное желание отстаивать бизнес-интересы крупных корпораций. Принцип «Что хорошо для «Газпрома», то хорошо и для России» вызывает растущее недоверие к подлинным целям и задачам руководства и дипломатии этой страны. Конечно, любое государство стремится продвигать своих производителей на внешние рынки. Другой вопрос, как это делать. К сожалению, в России предпочли использовать устаревшую методичку времен дикого капитализма. Москва выбрала стилистику давления и навязывания. Что же, подобная политика может иметь место, однако нужно помнить – не только в физике сила действия равна силе противодействия.

Но, пожалуй, самая большая проблема, и не только внешней политики, то, что в России пока не сформирована привлекательная модель политического и экономического развития. Да, Соединенные Штаты привыкли навязывать свою волю силой, жестко, порой совершенно неадекватно отстаивать свои государственные интересы и даже интересы отдельных корпораций. Но при этом существует и понятие «американского образа жизни» сытого, благополучного гражданина большой страны. И к этому образу, пусть и не всегда соответствующему действительности, стремятся люди. В Латинской Америке ненавидят «грингос», но при этом сотни тысяч «латинос» стремятся попасть в заветный североамериканский рай.

То, что стиль жизни, благополучие, некий образ поведения является весьма эффективным инструментом внешней политики, доказывает пример Европейского союза. Большинство его членов, особенно государства «старой Европы», крайне осторожно подходят не только к военным, но и в принципе жестким, агрессивным методам продвижения своих интересов на международной арене. Они исповедуют принцип мягкой силы. Благополучие Европы настолько притягательно, что многие страны мира не нужно убеждать в необходимости вступления в ЕС или в стратегическом партнерстве с ним. Ненавязчивый, подчеркнута политкорректный, но в то же время настойчивый и неуклонный стиль европейской дипломатии уже не раз доказывал свою эффективность и в отстаивании

интересов самого ЕС, и в решении сложнейших межгосударственных конфликтов.

Ничем подобным Россия пока похвастаться не может. У ее руководства и дипломатии совершенно не отработан стиль отношений с союзниками. Взять, к примеру, ситуацию с войной в Южной Осетии и последовавшим признанием независимости кавказских республик. Не вызывает сомнений, что российское руководство рассчитывало в этом вопросе на поддержку своих

ближайших союзников, по крайней мере, по ОДКБ. Однако подобная поддержка не оказывается по умолчанию. Она требует тщательной предварительной подготовки, согласований, уведомлений о своей позиции и о том, чего ожидают от партнеров. Именно подобным образом ведут себя Соединенные Штаты во время

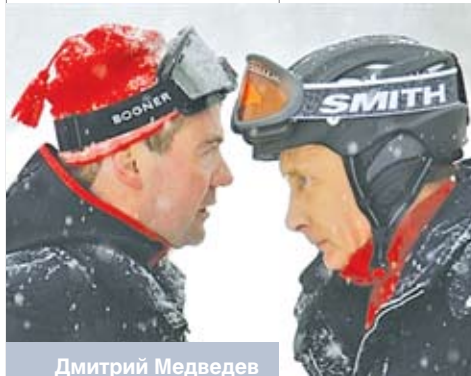
конфликтных ситуаций. В Москве же ведут себя со своими ближайшими партнерами по принципу «делай как я». Вероятно, там подзабыли, что времена Советского Союза безвозвратно ушли, а вместе с ними и циркулярная дипломатия, когда решение, принятое в Кремле, являлось указанием к действию не только для союзных республик, но и для стран так называемой «народной демократии».

Российская внешняя политика похожа на подростка в стадии взросления. Он активно занимается спортом, качает мышцы и уже почувствовал свою силу, но пока еще не знает, как ее применить. То соседу лицо набьет, то девушку от хулиганов защитит.

Сегодня только люди, совсем уж далекие от реальности, могут отрицать ведущую роль Российской Федерации на постсоветском пространстве, да и в мире в целом. Безусловно, это один из планетарных центров силы. Однако пока российские элиты, общество не выработают привлекательный образ своей страны, не навязывающий, а предлагающий влияние и покровительство другим государствам, до тех пор любые внешнеполитические доктрины останутся скорее доктринерством, чем полноценными внешнеполитическими концепциями.

Вадим ГИГИН,

кандидат исторических наук ■

Дмитрий Медведев
и Владимир Путин
на горнолыжной
трассе в Красной
Поляне под Сочи